

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весной Алёшкины родители получили новую квартиру. Хорошую, на пятом этаже. Из окна виден был весь квартал с большими домами, а дальше старые домики в конце улицы. Улица называлась Планерная.

Раньше на этом месте был спортивный аэродром. Летом он зарастал полевой кашкой, подорожником и всякой травой, у которой никто не знает названия. На краю лётного поля густо росла полынь. В полыни стоял грузовичок с мотолебёдкой. Лебёдка мотала на барабан тонкий трос и затягивала в небо разноцветные планеры. Так же, как мальчишки запускают на нитках воздушных змеев.

Про это Алёшке рассказывали ребята, которые жили здесь раньше, в старых домах. А Валерка Яковлев рассказал

совсем удивительную историю: будто однажды на аэродром приземлился настоящий самолёт. Это был двухместный самолётик с оранжевыми крыльями, серебристым фюзеляжем и красными цифрами на борту. Видно, что-то случилось в моторе и надо было срочно опуститься, а лётчик не знал, где удобнее сесть. Он кружил, кружил над аэродромом. Тогда Валерка выбежал на поле, упал на траву и раскинул руки буквой «Т». Буква «Т» — это посадочный знак. Валерка показал, как самолёту лучше зайти против ветра. Лётчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спросил:

— Хочешь, прокачу?

Валерка сказал, конечно, что хочет, и лётчик посадил его в заднее кресло и сделал над полем три круга. Никто из ребят Валерке не верил, даже старожилы. Но Алёшка верил. Ему нравилось верить всему интересному и хорошему.

Он потом часто вспоминал этот рассказ и потихоньку завидовал. А один раз Алёшке даже приснилось что-то похожее. Не совсем похожее, но тоже самолёт в поле. Над полем висела тёплая ночь с большими звёздами, и только у самого горизонта светилась закатная полоса. На ней чёрным рисунком выделялись головки и стебли высокой травы. Там стоял маленький самолёт. И Алёшка бежал к нему по пояс в траве, спешил и очень боялся, что самолёт улетит без него.

Потом у Алёшки сложились такие стихи:

*Мне снилось, что ждёт меня самолёт —
Ночной самолёт без огней.
В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жуёт
И хмурится всё сильнеей.*

*И я тороплюсь, я бегу к самолёту.
Скорее — в тревогу ночного полёта.*

*Пилот говорит:
«Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют:
Опасности будут в пути».
Какие?
Узнать я уже не успел,
Проснулся...
За окнами утренний город шумел,
И сон не вернулся...*

Это были серьёзные стихи, и Алёшка записал их в толстую тетрадку. Он записывал туда все свои стихи, которые получались серьёзными. Например, про собаку, как она потерялась и не могла найти хозяина, про мальчика, которого насильно учат играть на скрипке, а он хочет быть не музыкантом, а путешественником.

Ну и разные другие.

Тетрадку Алёшка никому не показывал. Стеснялся. И вообще это была его тайна. К тому же на одной из последних страниц написал он такие строчки:

*Машка,
Ты — как ромашка в траве,
Добрая, весёлая, славная.
Как хорошо, что на свете ты есть.
Это самое главное.*

Понятно, что такое стихотворение не очень-то будешь показывать.

Но вообще Алёшка не скрывал, что умеет сочинять стихи. Какие-нибудь смешные строчки для стенгазеты или считалку для игры в пряталки — это пожалуйста.

А один раз он сочинил стихи про принца. Про того принца,

который из сказки «Золушка». Из-за этих стихов он поспорил с Олимпиадой Викторовной. Вот с этого случая и начинается история про путешествие с Зелёным билетом, про Алёшку и Лётчика и про многие удивительные дела.

Олимпиада Викторовна руководила детским драмкружком. Драмкружок занимался в красном уголке домоуправления. Это называлось «работа с детьми по месту жительства». Олимпиада Викторовна была пенсионерка. А раньше она долго работала в театре. Костюмером. Она могла бы работать артисткой, но ей помешала одна беда: за всю жизнь Олимпиада Викторовна не научилась выговаривать букву «р». Вместо «р» у неё получалось что-то среднее между «в» и «у». Например, со слесарем дядей Юрой она разговаривала так:

— Безобуазие! Когда отвемонтивают батауеи? В помещении уголка невозможно уаботать!

Дядя Юра, человек не робкий и даже нахальный, при таких словах съёживался и бормотал:

— Будет сделано. Сегодня же доложу управляющему. Сию секундочку.

А Олимпиада Викторовна, прямая, высокая и суровая, продолжала:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении сывость! Мы соввём пвемьеву, и виноваты будете вы!

При последнем слове она устремляла вслед дяде Юре худой, отточенный, как карандаш, палец, словно хотела пронзить несчастного слесаря насквозь.

Драмкружок готовил к постановке пьесу «Золушка». Золушку играла Маша Берёзкина. Ну, та самая, про которую стихи. Они с Алёшкой учились в одной школе: Алёшка — в пятом «В», а Маша — в пятом «А». Классы-то разные,

и Алёшка с ней познакомиться как следует в школе не мог. А во дворе Маша появлялась редко, потому что занималась ещё музыкой и фигурным катанием.

И вот когда начались летние каникулы, Алёшка узнал, что Маша записалась в драмкружок, и сразу тоже записался.

Он очень надеялся, что Олимпиада Викторовна даст ему роль принца. Дело в том, что принц в пьесе должен был сражаться на шпагах с разбойниками, которые хотели похитить Золушку. А как сражаться, Алёшка знал. В той школе, где он учился раньше, была секция фехтования, и он там немного занимался (жаль, что пришлось уехать).

Но Олимпиада Викторовна сказала, что Алёшка будет играть стражника у ворот королевского дворца. А принцем назначила совсем другого мальчишку. Он выше Алёшки и старше, перешёл уже в восьмой класс.

Этот принц почему-то всем нравился. Говорили, что у него «прекрасные актёрские данные». Никаких таких данных Алёшка не замечал. Зато когда принца одели в принцевский костюм, Алёшка увидел, что он чересчур худ и ноги у него слегка кривые. И шпагу носить он не умеет. Алёшка ушёл за кулисы и вполголоса сказал:

— Пуинц квивоногий... Шпага висит, как зонтик на торшере.

И тут он услышал смех. Это Маша смеялась. Оказывается, она рядом была. Она смеялась негромко, но весело. А потом взяла Алёшку за локоть и хорошо так сказала:

— Ой, Алёшка, да брось ты расстраиваться. Больно надо, из-за какого-то принца. Мне с ним полпьесы играть придётся, а я и то ничего, терплю.

Алёшка чуть не завопил от радости. Ну, он не завопил, конечно, а только заулыбался: всё, мол, в порядке, я и не думаю огорчаться. И такой он был счастливый, что согласился идти с Олимпиадой Викторовной за старыми шляпами. Тут оказалось, что Маша тоже пойдёт.

Шляпы нужны были для королевских гвардейцев, для придворных, для толстого кучера, которого волшебница сделала из крысы. Где наберёшь столько шляп? Но Олимпиада Викторовна знала где. Она сообщила, что у неё есть хорошая знакомая («давняя подвуга»), которую зовут Софья Александровна. Раньше она тоже работала костюмером, а теперь уже не работает. Но и раньше, и сейчас — всю жизнь — занята она важным делом: собирает шляпную коллекцию. Всяких шляп у неё больше тысячи. Коллекция такая знаменитая, что про неё писали даже в журнале «Театральный сезон». Иногда к Софье Александровне приезжают представители разных театров и студий, советуются с ней, просят для своих постановок шляпы. Советы Софья Александровна даёт охотно, а шляпы не очень, потому что три года назад местный ТЮЗ потерял у неё испанскую треуголку.

— Но нас она, безусловно, выучит, — сказала Олимпиада Викторовна (разумеется, она хотела сказать «выручит»). — Она нас выучит, потому что мы ставые двузья.

И они отправились.

По дороге Олимпиада Викторовна рассказала Маше и Алёшке, что живёт Софья Александровна в Лопуховом переулке в старом домике на краю оврага. Много раз ей предлагали переехать в новую квартиру, но она не хочет. Боится, что при перевозке могут потеряться и попортиться шляпы. А кроме того, у Софьи Александровны живут четыре кота: Кузя, Батончик, Васька и Матадор. Софья Александровна в них души не чаёт. Она очень боится, что новая квартира не понравится котам.

— Конечно, это может показаться смешным, — заметила Олимпиада Викторовна, — но мы должны быть снисходительны к людским слабостям.

При этих словах она почему-то строго взглянула на Алёшку. Но он не обратил внимания. Он шагал, глядя на Машу,

ГЛАВА ВТОРАЯ

и думал, улыбаясь: «Машка-ромашка, а ты славная, это — главное...»

Был жаркий весёлый июньский день, золотистые волосы Маши горели под солнцем, и она тоже была весёлая. Шла вприпрыжку и гнала по асфальту блестящую пробку от лимонадной бутылки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Домик стоял у самого откоса. Когда-то, в давние времена, он был неплох, но сейчас очень состарился и так глубоко ушёл в почву, что стёкла блестели у самой земли, узорчатые носы водосточных труб уткнулись в траву, а у двери вместо крыльца была выемка.

На стук вышла сухонькая остроносовая старушка.

— Соничка! — воскликнула Олимпиада Викторовна и устремилась к хозяйке дома. — Как я уада!

Но Софья Александровна, кажется, не была рада. Она смотрела так горестно, что Олимпиада Викторовна споткнулась на полпути.

— Соничка, двуг мой! Что случилось?

— Ох, Липочка, — сказала Софья Александровна и всхлинула. — Кузю украли...

— Не может быть!

Старушка развела руками.

— Не может быть, — решительно произнесла Олимпиада Викторовна. — Он где-нибудь гуляет, только и всего. Можно ли, Соня, так убиваться!

— Ах нет, он не гуляет! Он никогда этого не делал. Он всегда приходил домой вечером, а сейчас его нет уже третий день. Я звонила в милицию, но они не хотят искать и, кажется, даже смеются.

— Какое бессеудечие, — сказала Олимпиада Викторовна. —

Но, Соня... Надо ли так мучить себя? Ведь у тебя ещё тви кота. Пвекуасные экземплявы.

Софья Александровна слабо отмахнулась:

— Ах, эти экземпляры... Они всё время дерутся... Конечно, я их очень люблю, но Кузя лучше всех. Такой ласковый, такой милый... Впрочем, входите, пожалуйста, — спохватилась она. — Что же это я...

В большой низкой комнате пахло нафталином, сыростью и кошками. В маленькие окна косо падало солнце и отражалось от жёлтого пола. Тускло поблёскивали запылившаяся хрустальная люстра под потолком и серебряные ложечки в старинном буфете.

— Садитесь, пожалуйста, — вздохнула Софья Александровна.

Но садиться было некуда. На стульях и в креслах лежали шляпы. И вообще шляпы были везде: выглядывали с полок, висели на гвоздях, громоздились на шкафах, пирамидой вздымались на старом пузатом комоде. Высоченные шёлковые цилиндры, треуголки суворовских времён, соломенные канотье, мексиканские сомбреро, тирольские шляпчонки с фазаньими перьями, мушкетёрские шляпы с плюмажами.

— С ума сойти, — шёпотом сказала Маша.

— У неё здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть, — тихонько откликнулся Алёшка.

Олимпиада Викторовна подтолкнула Машу и Алёшку вперёд:

— Вот, Соничка, два моих юных таланта. Мы к тебе по делу...

«Таланты! — сердито подумал Алёшка. — Принц у тебя талант, а я нужен, только чтобы шляпы таскать». Но вслух, конечно, ничего не сказал. Стоял и оглядывался.

Кроме шляп в комнате были и другие интересные вещи: бронзовый подсвечник с синими стеклянными подвесками,

